Загадка Гитлера

Леон Дегрель

«Гитлер - Вы знали его - что это был за человек?»

Тысячу раз меня спрашивали об этом, начиная с 1945 г., и ни на один вопрос не было так трудно ответить.

О Второй Мировой войне и ее центральной фигуре, Адольфе Гитлере написано около двухсот тысяч книг. Но был ли реальный Гитлер описан хоть в одной из них? «Загадка Гитлера находится по ту сторону всякого человеческого понимания», как заметил однажды немецкий левый еженедельник Die Zeit.

Гениальный живописец Сальвадор Дали в одной из своих полных драматизма картин пытался проникнуть в эту загадку. Высокие горные ландшафты почти полностью заполняют полотно, оставляя всего лишь несколько залитых светом метров пляжа, на котором вкраплены деликатные, миниатюрные человеческие фигурки: последний уголок уходящего мирного времени. Огромная телефонная трубка, с которой капают кровавые слезы, свисает с ветви засохшего дерева. Там и сям развешаны зонтики и летучие мыши, которые, несомненно, предвещают одно и то же. Как сказал сам Дали, «зонтик Чемберлена выступает на этой картине в зловещем свете, что подчеркивают летучие мыши, и он меня поразил, когда я работал над картиной, как нечто, олицетворяющее огромные страдания».

Тогда же он признался: «Я чувствовал, что эта картина была глубоко пророческой. Но я также признаю, что тогда не разгадал загадку Гитлера. Он привлек меня лишь как объект моих безумных воображений и потому еще, что казался уникальным человеком, способным к перевертыванию вещей с ног на голову».

Какой урок смирения для ревущих критиков, бросившихся печатать, начиная с 1945 г., тысячи «категоричных» книг, в большинстве своем презрительных по отношению к человеку, так волновавшему самосозерцательного Дали, что и сорок лет спустя он все еще чувствовал мучения и неуверенность, глядя на свою собственную галлюцинаторную картину. Кроме Дали, кто еще когда-либо пробовал объективно изобразить этого экстраординарного человека, определенного Дали как «наиболее взрывная фигура в человеческой истории»?

Как по звонку Павлова

Горы книг о Гитлере, основанных на слепой ненависти и невежестве, не заботятся о том, чтобы описать или объяснить наиболее мощного человека, когда-либо виденного миром. Как, думаю я, тысячи этих несообразных портретов Гитлера походят на человека, которого я знал? Гитлер, сидящий рядом, стоящий, разговаривающий, слушающий. Стало невозможно объяснить людям, на протяжении десятилетий питавшимся фантастическими историями, что прочитанное ими, или услышанное по ТВ не соответствует правде.

Люди принимают фикцию, повторенную тысячу раз, за действительность. Хотя сами они никогда не видели Гитлера, никогда не говорили с ним, не слышали от него ни слова. Имя Гитлера немедленно вызывает образ гримасничающего дьявола, фонтан всяческих отрицательных эмоций. Как и в случае со звонком Павлова, упоминание о Гитлере, как предполагается, не должно подкрепляться реальной сутью вопроса и фактами реальной жизни. Со временем, конечно, история потребует большего, нежели эти поверхностные суждения.

Странная притягательность

Гитлер – всегда перед моими глазами: как миротворец в 1936-ом, как воин в 1944-ом. Невозможно быть личным свидетелем жизни такого экстраординарного человека без того, чтобы не быть отмеченным этим навсегда. Не проходит и дня, чтобы образ Гитлера не возникал в моей памяти – не как давно умершего, но как реального человека, меряющего шагами пол своего кабинета, садящегося на стул, поправляющего тлеющие поленья в камине.

Первое на что обращал внимание любой, кто видел Гитлера, были его маленькие усы. Бесчисленное количество раз ему советовали их сбрить, но он всегда отказывался: ведь люди уже привыкли к такому образу.

Он не был высок - не выше, чем Наполеон или Александр Македонский.

У него были темно-синие глаза, которые многие находили околдовывающими, хотя мне так не казалось. Не чувствовал я и электрического тока, который, как считают, вырабатывали его руки. Я пожимал их несколько раз, и ни разу меня не ударило молнией.

На его лице выражались какие-то эмоции или безразличие в зависимости от того, пребывал ли он в данный момент в апатии или во власти страстей. Время от

времени он был словно парализован, не произносил ни слова, в то время как его челюсти двигались, словно размалывая в пыль некое препятствие. Или же он внезапно становился энергичным и произносил речь, обращенную только к вам, но как если бы он обращался к толпе в сотни тысяч на летном поле где-нибудь в Темплхофе, возле Берлина. Тогда он будто преображался. Даже его лицо, обычно бледное, зажигалось во время произнесения речей. И в такие моменты, что и говорить, Гитлер был странно притягателен, как будто обладал магической силой.

Исключительная энергия

Все, что могло показаться в его замечаниях слишком торжественным, он быстро разбавлял мазком юмора. Живописный мир, жалящее слово – он мастерски пользовался ими. Он мог мгновенно нарисовать слово-картину, которая вызывала улыбку, или дать неожиданное и обезоруживающее сравнение. Он мог быть строгим и даже непримиримым в своих суждениях, но почти в то же время удивительно уступчивым, чувствительным и теплым.

После 1945 года Гитлера обвиняли во всех возможных жестокостях, но жестокость была ему несвойственна. Для него было совершенно естественно остановить машину и поделиться едой с молодыми велосипедистами у обочины дороги. Однажды он отдал свой плащ старику, ковылявшему под дождем. Он мог прервать работу в полночь и приготовить еду для своей собаки Блонди.

Он не мог есть мяса, так как это означало смерть живого существа. Он не хотел, чтобы ради пищи в жертву приносили даже кролика или форель. Он допускал на столе только яйца, поскольку это означало, что курицу не убили.

Отношение Гитлера к еде было для меня постоянным источником удивления. Как мог человек, у которого такая насыщенная деловая программа, который принимал участие в десятках тысяч утомительных массовых митингов, с которых он приходил мокрым от пота, часто теряя при этом 1-2 килограмма веса; человек, который спал ночью всего 3-4 часа – как мог такой человек, думал я, физически выживать на одном вареном яйце, нескольких помидорах, 2-3 блинах и тарелке лапши. А он к тому же еще набирал вес!

Он пил только воду. Он не курил и не терпел, когда курили в его присутствии. В час или два ночи он все еще мог говорить, не обращая внимания на время, у камина, оживленный, часто шутил. Он никогда не проявлял признаков усталости. Его слушатели могли быть чертовски усталыми, но не Гитлер.

Его описывали как усталого старого человека. Нет ничего более далекого от истины. В сентябре 1944 года, когда он, как сообщалось, уже едва передвигал ноги, я провел неделю у него в гостях. Его умственная и физическая энергия были все еще исключительными. Покушение, которое было совершено на него 20 июля, только придало ему новые силы. Он пил чай в своей комнате с таким спокойствием, как если бы мы сидели в его маленькой личной квартирке в канцелярии до войны или любовались снежным пейзажем и ясным синим небом, стоя у большого эркерного окна в его доме в Берхтесгадене.

Железная выдержка

Под конец жизни, что и говорить, спина его стала согнутой, но разум остался ясным как вспышка молнии. Завещание, которое он с невероятным самообладанием диктовал накануне смерти, в три утра 29 апреля 1945 г., служит тому неоспоримым доказательством. Наполеон в Фонтенбло пережил минуты смятения перед сложением полномочий. Гитлер просто обменялся в тишине рукопожатием со своими товарищами, позавтракал как в любой другой день, а затем отправился навстречу смерти, как будто на прогулку. Когда еще история знала столь огромную трагедию, завершенную с таким железным самообладанием?

Наиболее известной чертой характера Гитлера была его простота. Самая сложная задача решалась им в уме, в несколько простых ходов. Его действия были увязаны с идеями и решениями, которые были бы поняты любому. Чернорабочий из Эссена, крестьянин из глухого села, рурский промышленник и университетский профессор с легкостью могли следовать за ходом его мысли. Сама ясность его рассуждений делала все очевидным.

Его поведение и стиль жизни оставались неизмененными, даже когда он стал правителем Германии. Он скромно одевался и жил. Во времена своей молодости в Мюнхене он тратил не более марки в день на еду. Ни в один из периодов своей жизни он не потратил что-нибудь на себя. В течение 13 лет своего канцлерства никогда не носил бумажника и не имел собственных денег.

Исключительный ум

Гитлер был самоучкой и никогда не пытался это скрыть. Самодовольное тщеславие интеллектуалов, их блестящие идеи, красиво упакованные, словно батарейки для фонаря, время от времени раздражали его. Собственные знания он приобрел путем выборочного и упорного учения, и знал гораздо больше, чем тысячи украшенных дипломами академиков.

Не думаю, что кто-либо читал столько, сколько он. Обычно он прочитывал одну книгу в день, всегда начиная с заключения и оглавления, чтобы оценить для себя важность книги. Гитлер умел извлекать суть каждой книги и затем хранить ее в своем компьютерном уме. Я слышал, как он обсуждал сложные научные книги с безупречной точностью даже в разгар войны.

Пытливость его ума была безгранична. Он был прекрасно знаком с работами абсолютно разных авторов, и ничто не было слишком сложным для его понимания. Он прекрасно знал и понимал учения Будды, Конфуция и Иисуса Христа, так же как Лютера, Кальвина и Савонаролы; литературных гигантов вроде Данте, Шиллера, Шекспира и Гете; аналитиков, таких как Ренан и Гобино, Чемберлен и Сорель.

Гитлер изучил философию, читая Аристотеля и Платона. Мог цитировать наизусть отрывки из Шопенгауэра, и в течение долгого времени носил с собой карманное издание этого философа. Ницше же научил его многому относительно силы воли.

Его жажда к знаниям была неутолима. Он потратил сотни часов, изучая работы Тацита и Моммзена, военных стратегов вроде Клаузевица, и создателей империй, таких как Бисмарк. Ничто не ускользнуло от него: мировая история или история цивилизаций, изучение Библии и Талмуда, философия томизма и все шедевры Гомера, Софокла, Горация, Овидия, Тита Ливия и Цицерона. Он знал труды Юлиана Отступника, словно был его современником.

Его знания также простирались и на механику. Он хорошо представлял себе, как работают механизмы; разбирался в баллистике различных видов оружия; и приводил в изумление лучших врачей знанием медицины и биологии.

Универсальность познаний Гитлера может удивлять или вызывать недовольство у незнающих об этом, но тем не менее это – исторический факт: Гитлер был одним из наиболее просвещенных людей двадцатого столетия. Во много раз более просвещенным, чем интеллектуальная посредственность Черчилль; или чем Пьер Лаваль, с его поверхностным знанием истории; Рузвельт; или Эйзенхауэр, никогда не продвинувшийся дальше детективных романов и комиксов.

Молодой архитектор

Даже в самом раннем детстве Гитлер отличался от других детей. Он обладал внутренней силой и был движим духом и инстинктом.

В одиннадцать он уже прекрасно рисовал. Его наброски, сделанные в тот период, демонстрируют нам замечательную твердость руки и живость восприятия. Его первые картины и акварели, созданные в пятнадцать, полны поэзии и чувственности. Одна из наиболее поразительных ранних работ – «Крепость Утопия» – показывает его как художника редкого воображения. Его культурные интересы принимали различные формы. С детства он писал стихи. Он надиктовал целую

пьесу своей сестре Пауле, и та была потрясена его самомнением. В шестнадцать, в Вене, он принялся за создание оперы. Он разработал даже конструкцию сцены, так же как и все костюмы и, конечно, героями были вагнеровские персонажи.

Гитлер был не только художником, но прежде всего архитектором. Сотни его работ стали известны именно в области архитектуры, а не собственно живописи. По памяти он мог воспроизвести купол церкви или замысловатые завитки кованой ограды во всех деталях. И, как мы знаем, в начале столетия Гитлер поехал в Вену, чтобы осуществить свою мечту стать архитектором.

Когда кто-либо видит сотни картин, эскизов и рисунков, созданных им в то время и демонстрирующих его мастерство в изображении трехмерных объектов, кажется поразительным, как он мог не сдать два последовательных экзамена профессорам Академии Искусств. Германский историк Вернер Мазер, не будучи поклонником Гитлера, упрекнул этих профессоров так: «Все его работы демонстрируют экстраординарные способности и познания в архитектуре. Создатель Третьего Райха служит причиной позора для старой венской Академии Искусств».

В своей комнате Гитлер всегда держал старую фотографию матери. Память о матери, которую он любил, была с ним до дня смерти. Перед тем, как покинуть этот мир 30 апреля 1945 г., он поставил фотографию перед собой. У нее были голубые глаза, такие же как и у ее сына, и такая же форма лица. Ее материнская интуиция подсказывала, что сын отличается от других детей. Она вела себя так, будто знала судьбу своего сына. Когда она умирала, то чувствовала муку от огромной тайны, окружавшей его.

Выходец из народа

В молодости Гитлер вел практически затворническую жизнь. Его великой мечтой было скрыться от людей. В душе он был отшельником, он любил бродить, привык мало есть, но «проглатывал» книги из трех публичных библиотек. Он не любил праздные беседы, и у него было мало друзей.

Трудно представить другого человека, который начинал бы практически с нуля и достиг таких высот. Александр Великий был сыном царя, Наполеон, выходец из зажиточной семьи, стал генералом в 24 года. Через пятнадцать лет после Вены Гитлер был все еще никому не известным капралом. Тысячи других людей имели в тысячу раз больше возможностей оставить в жизни свой след.

Гитлер мало заботился об устройстве личной жизни. В Вене он снимал комнату в убогом переполненном постояльцами домишке. Но несмотря ни на что он взял напрокат пианино, которое занимало половину его комнаты, и весь ушел в работу над своей оперой. Он жил на хлебе, молоке и постном супе. Это была настоящая нищета. У него не было даже пальто. Чтобы заработать, он убирал снег с

улиц, работал грузчиком на железнодорожном вокзале. Много недель он провел в приютах для бездомных. Но он никогда не прекращал писать картины или читать.

Несмотря на крайнюю нищету, Гитлер каким-то образом умудрялся сохранять опрятный внешний вид. Хозяева квартир в Вене и Мюнхене вспоминали его обходительность и приветливость. Его поведение было безупречным. В его комнате всегда было идеально чисто, скудные пожитки все находились на своих местах, а одежда была аккуратно сложена или повешена. Он сам стирал и гладил свою одежду, что в то время мужчины делали редко. Для выживания ему почти ничего не было нужно, и денег, вырученных от продажи немногих картин, было достаточно, чтобы покрыть все его расходы.

В поисках своей судьбы

Впечатленный красотой церкви при Бенедиктинском монастыре, где он пел в хоре и служил алтарщиком, Гитлер захотел стать монахом. И, что интересно, именно в это время, всякий раз при посещении мессы он проходил под первой когда-либо виденной им свастикой, вырезанной под каменным сводом входа в аббатство.

Отец Гитлера, таможенник по профессии, надеялся, что мальчик пойдет по его стопам и станет государственным служащим. Учитель же поощрял юного Гитлера стать монахом. Вместо этого он поехал, или скорее сбежал в Вену. И там, будучи остановлен в своих артистических стремлениях бюрократическими посредственностями из Академии, он обратился к уединению и раздумью. Затерянный в огромной столице Австро-Венгрии, Гитлер искал свою судьбу.

В течение первых 30 лет жизни Гитлера, дата 20 апреля 1889 г. ни для кого ничего не значила. Именно в этот день он и родился в городке Браунау, в долине реки Инн. Во времена венских скитаний он часто думал о своем скромном доме, а особенно о матери. Когда она заболела, он вернулся из Вены, чтобы за ней ухаживать. Неделями он просиживал рядом с ней, делал всю работу по дому, и поддерживал ее, как самый любящий сын. Когда она, в конце концов, умерла в канун Рождества, его горе было невыразимым. Сломленный горем, он похоронил свою мать на маленьком деревенском кладбище. «Никогда не видел людей так раздавленных горем» - сказал лечащий врач его матери, который, кстати, был жидом.

Сильная натура

Гитлер еще не занимался политикой, но, хотя он этого не осознавал, она была его подлинным призванием. В конце концов политика должна была слиться с его страстью к искусству. Люди, массы – это глина, которой скульптор придает бессмертную форму. Человеческая глина станет для него прекрасным произведением искусства, таким как мраморная скульптура Мирона, картина Ганса Макарта или трилогия «Кольцо нибелунгов» Вагнера.

Его любовь к музыке, искусству и архитектуре не отдалили его от политической и общественной жизни Вены. Чтобы выжить, он работал разнорабочим плечом к плечу с другими рабочими. Он был молчаливым наблюдателем, но ничто не ускользало от его внимания: ни тщеславие и эгоизм буржуазии, ни моральная и материальная нищета народа, ни сотни тысяч рабочих, наполнявших широкие бульвары Вены, с гневом в сердцах.

Его также неприятно удивляло растущее присутствие в Вене бородатых жидов в сюртуках – зрелище, невиданное в Линце. «И это тоже германцы?» – спрашивал он себя. Он знал статистику: в 1860 г. в Вене проживало 69 жидовских семей; сорок лет спустя их было уже 200.000. Они были повсюду. Он наблюдал их вторжение в университеты, юридическую и медицинскую сферу, оккупацию ими газет.

Гитлер был открыт для страстной реакции рабочих на этот приток пришельцев, но не только рабочие были недовольны таким положением. В Австрии и Венгрии было много выдающихся людей, которые не скрывали своего недовольства, как они считали, нашествием иноземцев на их страну. Гитлер жадно прислушивался к словам мэра Вены, христианского демократа и отличного оратора.

Гитлер также был обеспокоен судьбой восьми миллионов австрийских германцев, которые находились за пределами Германии и были таким образом лишены законного права на ее гражданство. Он считал императора Франца-Иосифа злобным и мелочным стариком, без устремлений к лучшему будущему, не способным справляться с текущими проблемами.

Тихо и спокойно, молодой Гитлер обдумывал эту ситуацию.

Во-первых, австрийцы были частью Германии, общей Родины.

Во-вторых, жиды были чужаками внутри германского сообщества.

В-третьих, патриотизм имеет смысл только в том случае, если его разделяют все классы. Простые люди, с которыми Гитлер разделял горести и унижения, являлись такой же частью отечества, как миллионеры из высшего общества.

В-четвертых, классовая война рано или поздно приведет к краху как рабочих, так и хозяев в любой стране. Никакая страна не может пережить классовую войну; только сотрудничество между рабочими и хозяевами может принести пользу

Родине. Рабочих надо уважать, они должны вести достойную, почтенную жизнь. Никогда нельзя удушать творческий подход, инициативу.

Когда впоследствии Гитлер сказал, что сформировал социал-экономическую доктрину именно в Вене, это было абсолютной правдой. Десять лет спустя наблюдения, сделанные им в Вене, стали каждодневной нормой.

Так Гитлер жил в течение нескольких лет в многолюдной Вене как настоящий изгой, но в то же время постоянно наблюдая за всем, что происходило вокруг него. Его сила проистекала изнутри. Он был против того, чтобы кто-то думал за него. Исключительные личности всегда чувствуют себя одинокими в шумной толпе. Гитлер считал, что одиночество - это замечательная возможность предаться размышлениям, не будучи поглощенным бездумным людским морем. Чтобы не потеряться в глубинах вымершей пустыни, сильная душа ищет приюта внутри себя. Гитлер был такой душой.

Слово

Слово Гитлера было подобно молнии.

Весь его артистический талант выливался в мастерство красноречия и взаимодействия с аудиторией. Гитлер никогда бы не решился на свои преобразования в социальной сфере, не обладай он силой слова. Его речь очаровывала публику и его самого. Он добивался полного выполнения задач, когда волшебство его слов вдохновляло сердца и умы масс, с которыми он общался.

Он чувствовал себя заново рожденным каждый раз, когда с поистине мистической красотой передавал знание, приобретенное в течение жизни.

Волшебное красноречие Гитлера останется обширной областью для психологического изучения на долгое время. Мощь слова Гитлера – это ключ. Без него гитлерианская эра никогда бы не наступила.

Необыкновенная вера

Верил ли Гитлер в Бога? Он глубоко верил в Бога. Он называл Бога Всемогущим, Повелителем всего видимого и невидимого.

Пропагандисты обычно изображали Гитлера атеистом. Он им не был. Он презирал лицемерных и материалистичных клерикалов, но был в этом не одинок. Гитлер верил в необходимость стандартов и теологических догматов, без которых, как он неоднократно повторял, великое учреждение Христианской церкви разрушится. Эти догматы входили в противоречие с его образованием, но он также признавал, что для человеческого ума было бы крайне трудно охватить все проблемы мироздания, его безграничные возможности и захватывающую дух красоту. Гитлер всегда подчеркивал, что каждый человек имеет духовные потребности.

Соловьиная песня или форма и раскраска цветка постоянно возвращали его к мысли о великих проблемах мироздания. Никто в мире не говорил со мной так красноречиво о бытии Бога. Он придерживался таких взглядов не потому, что воспитывался как христианин, а потому что его аналитический ум привел его к концепции Бога.

Вера Гитлера была превыше любых формулировок и случайных обстоятельств. Бог был для него основой всего, пастырем всех вещей, его собственной судьбы и судеб всех остальных людей.

Перевод с английского - АБ

Источник: Арийские традиции.
Фотографии взяты с сайта German Propaganda Archive и из личного архива.
